

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ИСТИНЫ И АРГУМЕНТАЦИЯ*

Начиная свое исследование иллокутивной логики, Дж. Р. Серль и Д. Вандервекен ставят в качестве основных вопросов следующие: «1) Какие компоненты составляют иллокутивную силу и каковы необходимые и существенные условия для успешного выполнения элементарных иллокутивных актов? Как могут условия успешности сложных иллокутивных актов быть определены в терминах условий успешности их составных частей? 2) Какова логическая структура множества всех иллокутивных сил? Существует ли рекурсивное определение этих множеств, т. е. могут ли все иллокутивные силы быть получены из нескольких простейших сил путем применения определенных операций, и если да, то каким образом? 3) Что собой представляют логические отношения между различными типами иллокуций? В частности, при каких условиях успешное выполнение одного иллокутивного акта вынуждает говорящего на другой иллокутивный акт?»¹ Самый важный вопрос — это, конечно, вопрос о природе прагматического логического следования. Но полноценного ответа на него нельзя получить, если не выяснить истинностные условия иллокутивных актов и семантику логических союзов в прагматическом контексте. Однако ясно, что семантика иллокуций не вписывается в традиционное понимание истинности. Как дать приемлемое толкование отношения следования в прагматике, где, казалось бы, категория истинности не работает?

Классическое определение отношения следования в логике дается через категорию истинности. Но уже в определении специфики отношения следования применительно к рассуждению в нормативном контексте возникает проблема в связи с неприменимостью традиционного понятия истины к прескриптивным высказываниям. В связи с этим Г. Х. фон Вригт утверждает, что «нормы и оценки, хотя и исключаются из области истины, являются все же субъектами логического зако-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: проект № 05-03-03301а.

¹ Searle J. R., Vanderveken D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge, 1985.

на»², поскольку логика имеет более широкие пределы, чем истина. И здесь возможны по крайней мере два подхода:

— поиск определения отношения следования без использования категории истины, т. е. выход за пределы, в которых возможны разговоры об истине, формирование теоретических средств анализа форм рассуждения, которые не предполагают какой-либо связи с такой характеристикой элементов отношения следования, как истинность;

— и/или осознание ограниченности традиционного толкования истины и формирование концепции истины, преодолевающей ограниченность ее традиционного понимания, т. е. сохранение общности пределов логики и истины.

В логике и в метафизике, хотя и в различных проблемных контекстах, обе эти установки присутствуют и реализуются.

1

Следует различать два вопроса: 1) что мы говорим, когда это говорим? и 2) что мы делаем, когда это говорим? Первый вопрос предполагает выяснение содержания сказанного, пропозиционального содержания речевого акта, условий его понимания и истинности, второй — выяснение функций речевого акта в дискурсе и условий успешности и эффективности реализации этих функций.

Речевые акты представляют собой действие двоякого рода. Во-первых, они выражают определенное пропозициональное содержание, которое существует не само по себе (как некая характеристика высказывания), а лишь в контексте определенного языка, некоторого знания о мире, закрепленного в языке. Во-вторых, они представляют собой определенное коммуникативное действие: сообщение, совет, вопрос, приказ, аргумент и т. п. Как сказывания-референции они не являются элементами мира, поскольку они сказывание о мире, но как сказывания-коммуникации они есть определенное коммуникативное действие, т. е. они сами суть элементы мира, сведения о котором фиксируются их пропозициональным содержанием. Истинность, будь это корреспондентная ее интерпретация или когерентная, говорит нечто о сказывании, поскольку оно в конечном счете есть сказывание-референция. Говоря об истинностной характеристике речевых актов, мы должны различать эти два контекста разговора.

² Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986. С. 291.

Что касается пропозиционального содержания, то основанием его истинности для нас выступает соответствие того, что в нем говорится о мире, 1) реальному положению дел в мире и/или 2) имеющемуся знанию о мире. Возможно ли первое без второго?

Определенность пропозиционального содержания, которое соответствует или не соответствует реальности, формируется в диалоге и задается языком. Мысль, чтобы стать моей, сначала должна быть нашей. Намерение сказать нечто существенно правится в акте речи языком, на котором это высказывается. Дж. Р. Серль, различая интенциональный и конвенциональный аспекты в анализе иллокутивных актов, пишет, что «...то, что мы можем иметь в виду, является функцией того, что мы говорим. Субъективное значение обусловлено не только намерением, но и конвенцией»³. На это же обращает внимание Густав Гийом, различая «факт речи» и «факт языка»⁴. Факт речи — это то, что мы осознаем как свое собственное намерение, как определенность мыслительного действия. Факт языка — это факт нашего сознания, не являющийся фактом нашего творчества; он задает смысл сказанному независимо от нашей творческой воли, это своего рода интеллектуальное наследство нации, хранящееся в языке и воспроизводимое носителями языка. Я не свободен в выборе слов, рождая в акте речи мысль, более того, язык, в котором я мыслю, диктует содержание мысли. И, как утверждал М. К. Мамардашвили, выйти за пределы этого содержания, преодолеть диктат языка можно только через воображение, но никак не через дефиниции⁵.

Бенджамин Ли Уорф на богатом этнографическом материале показал, что мир, как его видит человек, существенно зависит от языка, носителем которого этот человек является, а одинаковая картина мира возможна только при условии сходства или по крайней мере соотносительности языковых систем⁶. Наше высказывание о мире говорит нечто о нем не само по себе, а будучи прочитано в определенном языковом контексте, и поэтому, прежде чем быть корреспондентно истинным, оно должно обладать интенциональной определенностью в

³ Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в современной зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 160.

⁴ См.: Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

⁵ См.: Мамардашвили М. Язык и культура // Вестник высшей школы. 1991. № 3. С. 46–52.

⁶ См.: Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

контексте этого языка и быть когерентно истинным, т. е. непротиворечиво вписываться в определенный языковой контекст.

Смысл любого высказывания определяется или открывается только тому, кто делает его предметом своей мысли, а следовательно, толкует его термины с определенных теоретических позиций. А это означает: то, что человек может сказать о мире или что он видит в мире, существенно зависит от его «теоретических позиций», от способов видения мира, которые сформированы в ходе его образования как личности, как носителя определенной культуры. Это убедительно демонстрируется Хансом Позером, показывающим, что истина, провозглашаемая в науке высшей ценностью, «функционирует не прямо в качестве регулятивной идеи; в большей степени идет речь об обязательстве следовать в рамках науки признанным методологическим правилам»⁷. Картина мира, которая формируется в сознании ученого, задается определенной системой постулатов. В ней Позер выделяет *постулаты первого порядка*, функционирующие как исторически изменчивые формы мышления, через которые научному познанию открывается реальный мир. Система постулатов первого порядка исторически изменчива, она подвержена критическим преобразованиям, производимым в соответствии с принципами, представляющими собой *постулаты второго порядка*, которые в свою очередь опираются на мировоззрение конкретной эпохи. Определенность высказывания задается одновременно как его предметностью, поскольку в нем сказывается некоторое знание о мире, так и его языковой заданностью, т. е. его местом в некотором языке.

Корреспондентная и когерентная концепции истины — не конкурирующие и отрицающие друг друга интерпретации, а взаимодополняющие моменты познания, позволяющие получать корреспондентно обоснованные высказывания лишь постольку, поскольку они находят место в когерентно упорядоченной системе постулатов, задающих понятийную сетку, через которую узнается порядок вещей в мире.

Говоря об истинности пропозиционального содержания, важно понимать, что корреспондентная истинность принципиально невозможна без когерентной. Эта двойственность задается уже на уровне понятия. Слово только тогда обретает определенное референциальное значение, когда оно обладает определенным местом в языке. Как заметил Л. Витгенштейн: «Только предложение имеет смысл; имя обре-

⁷ См.: Позер Х. Правила как формы мышления // Разум и экзистенция. СПб., 1999.

тает значение лишь в контексте предложения»⁸. Но и предложение обретает смысл лишь в контексте языка. Чтобы знать значение слова, надо знать язык⁹. Непосредственное знание — иллюзия, в том смысле, что даже эмпирически проверяемое суждение опосредовано толкованием его смысла в определенной системе знания, культуры. Суждение «Идет дождь» наполнено разным смыслом для крестьянина, который за день до этого участвовал в крестном ходе по случаю затянувшейся засухи, угрожавшей гибелью его урожаю, и для метеоролога, изучающего природу этого атмосферного явления. Корреспондентность (соответствие) и когерентность — две стороны того, что мы называем условиями истинности. Чтобы быть корреспондентно истинным, суждение должно быть когерентно истинным, т. е.: 1) обладать определенным смыслом, который задается контекстом речи и языка; 2) логически следовать из других суждений, из которых формируется картина мира, как она представлена в разуме этого человека; кроме того, 3) суждения, логически следующие из данного, не должны противоречить несомненным суждениям имеющейся картины мира. Мы соглашаемся с некоторым высказыванием, если считаем, что его содержание непротиворечиво вписывается в систему наших знаний о мире, адекватно описывающую и объясняющую положение дел в нем.

2

Природа истины не просто коммуникативна, но и аргументативна. Научное знание, выражающее истину, предполагает не всегда дедуктивный, но обязательно аргументационный порядок. Истина нуждается в основаниях. И эти основания — не мир как он есть, а мир, как он есть в моем знании о нем, выражаемом в языке. Истина бытия может только сказаться. Но, будучи сказанной, она либо принимается, если для нее есть основания в языке, либо нет, если слушатель эти основания не находит. В последнем случае истина объявляется ложью. Если для лжи в этой системе знаний находятся основания принимать ее за истину, истиной становится ложь. Задача сказавшего состоит в поиске для слушателя и у слушателя оснований для признания истинности сказанного им. Здесь, абстрактно говоря, возможны две ситуа-

⁸ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. *Философские работы*. Ч. I. М., 1994. С. 13.

⁹ Заметим, что, констатируя контекстуальную природу слова, важно иметь в виду: степень контекстуальности слова может быть разной в разных культурах. См., напр., о различных степенях контекстности культур. *Hellriegel L., Slocum J., Woodman R.* *Organizational Behavior*. Cincinnati, 2001. P. 385–386.

ции: научный силлогизм, когда сказанное вписывается в систему теоретического знания, и диалектический силлогизм, когда требуется выход за пределы теоретических конвенций — в более широкую и неопределенную сферу культуры, насколько ее можно выразить в языке. Обе ситуации, по сути дела, аргументативные. Но только в первом случае собеседник *как бы* отсутствует, поскольку все конвенции уже состоялись и договариваться о смысле терминов нет нужды. Если мой собеседник, которому я излагаю теорему Пифагора, нуждается в толковании термина «треугольник» или «гипотенуза», то он находится за пределами научного знания — и я уже должен строить изложение *для него*, т. е. использовать диалектический силлогизм, и опираться в своих рассуждениях на смысл, который не имеет строгих теоретических дефиниций и определенность которого воспроизводится в диалоге и посредством диалога. В этом диалоге рождается определенность мысли, т. е. сказывается истина бытия, аргументативно-коммуникативная природа которой очевидна, поскольку сказывается она через обращение к другому, чтобы стать истиной для него.

Итак, содержание посылок диалектического силлогизма формируется в диалоге, предшествующем применению силлогизма. В этом диалоге формируется взаимопонимание сторон, что по существу означает одинаковое понимание сказываемого в посылках и согласие относительно их истинностного значения. Участники диалога не выясняют, как устроен мир, благодаря диалогу они начинают одинаково понимать мир. Устанавливается согласие содержания посылок с имеющимся у участников диалога знанием о мире. Два фактора формирования этого знания: исследование самого мира в многообразных формах и разговоры о мире с другими, в ходе которых получаемое знание согласуется с уже имеющимся знанием и становится истинным для других. Сказанное получает контекстуальную санкцию на определенность смысла благодаря диалогу, и этот смысл согласуется с имеющимся знанием, поскольку участники диалога приходят к согласию по поводу сказанного, к одинаковому пониманию этого, т. е. к взаимопониманию. Так способ обоснования и образования истины демонстрирует ее коммуникативную природу.

Но высказывание о мире, если оно сказывается, предстает в форме иллокуции, т. е. выступает элементом коммуникации, диалога, который задает высказываемой мысли коммуникативную определенность. И тогда речь обретает качество, позволяющее разумному человеку согласиться с ней, признать ее, не выходя в используемых при этом критериях за пределы рациональных оснований, не только пото-

му, что она когерентно и корреспондентно истинна, т. е. пропозиционально совместима с его картиной мира, но и потому, что она коммуникативно истинна, в частности иллюкутивно совместима с его картиной мира.

Применить те же критерии к сказыванию-коммуникации, что и к сказыванию-референции, для определения его истинностной характеристики мы не можем. Здесь работают другие основания согласия со сказанным, приемлемости сказанного. Без анализа этих критериев приемлемости теория истинности принципиально неполна. А следовательно, предложить интуитивно ясную интерпретацию отношения следования в аргументационном дискурсе мы не сможем. Речевые акты, являющиеся элементами отношения следования в аргументативном дискурсе, не могут быть адекватно описаны на языке, в котором используется традиционная концепция истины.

3

Поскольку посылки суть элементы диалогического дискурса, т. е. коммуникативные акты, они представляют собой речевые акты, имеющие в качестве своей существенной характеристики наряду с пропозициональным содержанием иллюкутивную силу. То есть тот вид обоснования суждений, который у Аристотеля представлен диалектическим силлогизмом, носит логико-коммуникативный характер, поскольку он выступает составной частью реального процесса речевого общения. Аргумент в этом случае перестает быть чисто логической характеристикой суждения. Он становится логико-коммуникативной характеристикой речевого акта.

Что такое аргумент? Отвечая на этот вопрос, важно подчеркнуть, что в логике аргумент — не характеристика высказывания самого по себе, а логическая характеристика его места в рассуждении. Рациональный собеседник должен отдавать себе отчет в момент произнесения, что утверждение высказывания A , являющегося антецедентом импликации, консеквент которой обосновывается данной формой рассуждения, и утверждение высказывания A , являющегося отрицанием одного из двух имеющих в дизъюнктивном высказывании дизъюнктов, другой дизъюнкт которого обосновывается данной формой рассуждения, — это утверждения одного и того же высказывания, но с использованием двух разных аргументов в обосновании.

Если мы возьмем две формы обоснования: $A, A \rightarrow B \vdash B$ и $A, \neg A \vee B \vdash B$, то увидим, что условия истинности аргументов в этих формах

рассуждения совпадают. $A \rightarrow B$ и $\sim A \vee B$ — равносильные формулы, а одно и то же высказывание A выполняет функцию аргумента в обеих формах. Более того, мы можем продемонстрировать равносильность указанных аргументов, поскольку одно из этих правил следования сводимо к другому, но утверждать, что A в одном случае и A в другом случае — один и тот же аргумент, только на том основании, что их пропозициональные содержания тождественны, нельзя. То есть аргумент — это не высказывание, а место данного высказывания в логической структуре рассуждения, или, другими словами, не высказывание, а топологическая характеристика его.

Но в аргументативном дискурсе аргумент есть еще и определенная коммуникативная функция, или иллокутивная сила, речевого акта, т. е. определенное место в коммуникативной структуре дискурса. В рамках аргументационного анализа мы не можем ограничиваться логическими характеристиками аргументативных речевых актов, мы должны зафиксировать их коммуникативные характеристики. Высказывание, не являющееся аргументом с логической точки зрения, не является им и в рациональном аргументативном дискурсе. Но аргумент, безупречный с логической точки зрения, может оказаться неправильным, поскольку не выполняются его коммуникативные характеристики как аргумента.

Прежде всего, аргумент в аргументации — это продукт диалога. В приведенных выше примерах с логической точки зрения высказывание A служит аргументом независимо от того, имеется чье-либо согласие на это или нет, т. е. характеристика его как аргумента не предполагает присутствие собеседника да и наличие беседы вообще. В аргументативном дискурсе высказывание только тогда становится аргументом, когда оно в дополнение к соответствующим топологическим характеристикам получает на то согласие собеседника. Согласие — необходимое условие и элемент в отношении аргументативного следования. Его отсутствие разрушает отношение следования в аргументации с такой же неизбежностью, с какой отношение логического следования разрушается логической ошибкой в доказательстве. Одним из элементов этого согласия выступает одинаковая интерпретация высказывания. Но одинаковая интерпретация высказывания формируется в диалоге. Речевой акт не порождает определенного суждения, если он не является связующим звеном между говорящим и слушающим¹⁰. Но

¹⁰ См.: Мигунов А. И. Диалогическая природа речевого акта // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2000. Вып. 2 (№ 14).

в этом случае он и не может быть аргументативным речевым актом. Какими коммуникативными характеристиками должен обладать речевой акт, чтобы слушатель рассматривал его как приемлемый аргументативный речевой акт?

Иллокутивные акты, как и всякое действие, совершаемое с определенной целью, могут быть либо успешными, либо нет. Но что значит быть успешным для речевого акта? Это значит состояться как именно этот речевой акт. Успешность речевого акта определяется слушателем. Я даю обещание — и слушатель понимает этот речевой акт именно как данное мною ему обещание. Я приказываю — и слушатель понимает, что получил приказ. Я пошутил — и слушатель понимает, что это шутка. Я аргументирую — и слушатель признает в соответствующем речевом акте, выполненном мной с целью аргументации, аргумент.

Как показывает Дэниел Вандервекен¹¹, нельзя понять природу иллокутивных актов, не понимая условий их успешности и эффективности. Условия успешности и эффективности элементарных иллокутивных актов не сводимы к условиям истинности их пропозициональных содержаний. Следовательно, важная задача как логики речевых актов, так и семантики естественного языка состоит в том, чтобы развить предлагаемую концепцию успешности и эффективности, интегрируя ее с теорией истинности для высказываний.

Понятия успешности, эффективности и истинности логически связаны. Например, не может быть успешным информативный речевой акт, пропозициональное содержание которого, с точки зрения слушателя, ложное. А неуспешный речевой акт не может быть эффективным. Если мой совет воспринят как приказ, то он не успешен, а следовательно, он не может быть релевантно эффективен, пусть даже его пропозициональное содержание истинно. То есть даже если этот приказ не будет отвергнут как неуместный речевой акт и даже если его выполнят, он все равно не может быть релевантно эффективен. Совет в этом случае просто не состоится как акт коммуникации. Все, что будет происходить в дальнейшем, не будет иметь отношения к совету, поскольку его не было.

Но успешный речевой акт может быть неэффективным: в правильно понятой просьбе о помощи может быть отказано, приказ мо-

¹¹ См.: *Vanderveken D. Success, Satisfaction and Truth in the Logic of Speech Acts and Formal Semantics // Semantics: A Reader / Ed. by S. Davis, B. S. Gillon. Oxford, 2004. P. 710–734.*

жет остаться невыполненным. Но может ли успешно выполненный аргументативный речевой акт быть неэффективным, т. е. быть не принятым рациональным слушателем?

Задача иллокутивной логики состоит в том, чтобы исследовать и сформулировать логические условия рациональной успешности и эффективности иллокуций, условия, выполнение которых делает рационально неизбежным принятие, например, аргумента. А отказ принять иллокутивно необходимый аргумент означал бы то же самое, что отказ от принятия A и $A \rightarrow B$ как достаточных оснований B , т. е. свидетельствовал бы о неразумности слушателя.

Здесь мы рассмотрим условия успешности и эффективности только элементарных речевых актов. Но иллокутивная сила элементарных речевых актов, в свою очередь, обладает сложной структурой. Вслед за Дж. Остином и Дж. Р. Серлем принято выделять шесть ее составляющих: иллокутивную цель, способ достижения иллокутивной цели, пропозициональное содержание, предварительные условия, условия искренности и интензивность. И для успешности элементарной иллокуции должны быть реализованы все соответствующие ей конститутивные правила.

Основной компонент иллокутивной силы — ее иллокутивная цель. Как полагает Серль, существует только пять видов иллокутивной цели, которую говорящие пытаются достичь, выражая пропозициональное содержание с некоторой иллокутивной силой¹²:

- 1) ассертивная цель — констатировать для собеседника положение дел в мире;
- 2) комиссивная цель — обязать говорящего перед лицом собеседника совершить определенное действие;
- 3) директивная цель — обязать собеседника совершить определенное действие;
- 4) декларативная цель — изменить мир говорящего и собеседника самим актом речи;
- 5) экспрессивная цель — выразить собеседнику чувства говорящего относительно положения дел в мире.

Успешность выполнения элементарных иллокутивных актов зависит от реализации компонентов их иллокутивной силы и их пропозиционального содержания.

¹² См., напр.: Серль Дж. Р. Классификация речевых актов // Новое в современной зарубежной лингвистике. Вып. 17. С. 194.

Согласно Д. Вандервекену¹³, иллокутивный акт F(P) успешно выполнен в данном контексте произнесения, если и только если, во-первых, в этом контексте *говорящий преуспевает в достижении иллокутивной цели* силы F в высказывании P *со способом достижения* F и P *удовлетворяет условиям пропозиционального содержания* F, во-вторых, говорящий *преуспевает в предположении* пропозиций, определенных *предварительными условиями* F, и, наконец, *преуспевает в выражении с интенсивностью* F ментальных состояний, определенных *условиями искренности* F относительно факта, представленного пропозициональным содержанием P. Таким образом, говорящий дает обещание в некотором контексте произнесения, когда 1) иллокутивная цель его произнесения — согласиться на выполнение действия A (*иллокутивная цель*), 2) произнося этот речевой акт, говорящий берет на себя обязательство совершить действие A (*способ достижения*), 3) пропозициональное содержание произнесения — то, что говорящий совершает действие A (*условие пропозиционального содержания*), 4) говорящий предполагает, что он способен совершить действие A и что это действие A соответствует интересам слушателя (*предварительные условия*), и, наконец, 5) он выражает с сильной интенсивностью намерение совершить это действие (*условия искренности и интенсивность*).

Но что значит совершить успешный аргументативный речевой акт?

4

Можно предположить вслед за некоторыми исследователями, что, поскольку аргументация — это не отдельный речевой акт, а сложное дискурсивное действие определенной формы, такой элементарной иллокутивной силы, как аргумент, не существует. Так, Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст полагают, что аргументативная сила не может быть выражена и зафиксирована на уровне одного речевого акта¹⁴. Но эта характеристика не выражает еще ничего специфического для аргументативного речевого акта в отличие от других иллокуций. Никакая иллокутивная сила не может быть зафиксирована на уровне одного предложения, в том числе и тогда, когда существует определенный

¹³ См.: *Vanderveken D. Success, Satisfaction and Truth in the Logic of Speech Acts and Formal Semantics.*

¹⁴ См.: *Еемерен Ф. Х. ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискурсах.* СПб., 1994. С. 45.

перформативный глагол, казалось бы, имеющий только одну иллокутивную интерпретацию. На первый взгляд кажется, что определенность иллокуций задается соответствующим видом перформативного глагола и нет такого перформативного глагола для аргумента. Исходя из этого аргумента как определенной иллокуции не существует, аргумент появляется только в рассуждении, в рамках определенной схемы дискурсивного действия.

Но не выбранным глаголом определяется коммуникативная функция речевого акта, а выбор глагола задается требуемой в данной схеме дискурсивного действия функцией. Иллокутивная сила речевого акта первична и лишь находит в существующем тезаурусе подходящее средство своего выражения. Речевой акт всегда момент, элемент коммуникации, и его функция определяется коммуникативной ситуацией. Мы догадываемся о коммуникативной функции речевого акта по его устройству, по целому ряду ее вербальных индикаторов — и, в частности, по используемому перформативному глаголу¹⁵. В то же время, как замечает Серль, «иллокуции — это часть языка вообще (а не конкретного языка). Иллокутивные глаголы — это всегда часть некоторого конкретного языка: французского, немецкого, английского и т. д. Различия между иллокутивными глаголами — хороший индикатор, но ни в коем случае не надежный индикатор различий между иллокутивными актами»¹⁶. Я, более того, добавил бы, что все эти показатели коммуникативной функции помогают нам узнать ее, но они не детерминируют ее. Речевой акт не потому выполняет эту функцию, что так устроен, а потому так устроен, что выполняет эту функцию. Не некоторый перформативный глагол формирует иллокутивную силу речевого акта, а иллокутивная сила речевого акта требует соответствующего перформативного глагола. Сама же иллокутивная сила, коммуникативная функция речевого акта определяется местом, которое он занимает в диалогическом дискурсе. Это его место в свою очередь задается системой прагматических факторов, осознающихся и формулирующихся в системе правил, которые Серль назвал конститутивными. Место в структуре дискурса определяет иллокутивную силу, которая затем выражается в соответствующей грамматической форме.

Другими словами, *всякий* речевой акт обладает определенностью, каковая задается схемой дискурсивного действия. Иллокутивная сила речевого акта формируется действиями участников диалога, выполняя

¹⁵ См.: Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? С. 157.

¹⁶ Серль Дж. Р. Классификация речевых актов. С. 172.

которые они стремятся к достижению определенных иллокутивных целей и руководствуются для этого соответствующими конститутивными правилами, существующими в языке конвенциями, независимо от того, осознают они их или нет.

Говорящий, выполняя речевой акт, следует определенным конститутивным правилам выполнения этого иллокутивного акта, известным ему как носителю языка, который на основании этих правил различает иллокутивы, и если слушатель истолковал его речевой акт как именно этот иллокутивный акт, то это означает, что они оба при различении речевых актов пользуются одними конститутивными правилами, руководствуются общими для них языковыми конвенциями. Какими конститутивными правилами пользуется рациональный слушатель, когда определяет воспринимаемый им речевой акт как аргументативный?

5

Можно сформулировать следующие конститутивные правила аргументативного речевого акта, знание которых позволяет слушателю считать полноценным аргументативным речевым актом всякое успешное выполнение этих правил.

Иллокутивная цель — преодоление сомнения собеседника относительно некоторой точки зрения, в истинности которой убежден говорящий.

Способ достижения — в своем произнесении говорящий берет на себя обязательство сделать точку зрения приемлемой для слушателя, т. е. совместимой с системой суждений, составляющих его картину мира.

Пропозициональное содержание — в речевом акте утверждается, что согласие с его пропозицией несовместимо с отказом от пропозиции, выраженной в точке зрения.

Предварительное условие — слушатель рассматривает пропозициональное содержание данного речевого акта, во-первых, как истинное высказывание и, во-вторых, как логически приемлемое основание для принятия точки зрения говорящего.

Условия искренности, на мой взгляд, неудачное название, поскольку оно провоцирует психологическую интерпретацию, которой здесь не должно быть места. Эту группу правил лучше называть, вслед за Вемереном и Гроотендорстом, условиями ответственности, причем здесь не должно быть каких-либо нравственных коннотаций. Просто

речь идет о том, что для слушателя обязанность дополнительного обоснования в случае необходимости лежит на говорящем.

Условие ответственности — слушатель полагает, что говорящий не только убежден в истинности пропозиционального содержания речевого акта, но и считает его логически приемлемым основанием для утверждения истинности точки зрения.

Интенсивность — она будет разной у аргумента, пропозициональное содержание которого выражает формулировку логического закона, и у аргумента, пропозициональное содержание которого выражает общепринятое мнение, чье-либо свидетельство, мнение эксперта и т. п. Также интенсивность будет зависеть от логической формы, связывающей пропозициональное содержание аргументативного речевого акта и точки зрения: либо это дедукция, либо индуктивное следование или умозаключение по аналогии и т. п.

Если были соблюдены условия для правильного выполнения аргументативного акта, то произнести данный акт речи означает аргументировать.

Аргументативный акт будет успешным, если выполнены соответствующие ему условия всех составляющих его иллокутивной силы.

6

Когда аргументативный акт эффективен? Когда достигается его иллокутивная цель.

Вандервекен определяет эффективность иллокутивного акта через понятие соответствия. Если в результате совершения иллокутивного акта его пропозициональное содержание становится соответствующим положению дел в мире, то это означает, что данный речевой акт не только успешен, но и эффективен. Другими словами, иллокутивный акт $F(P)$ эффективен в некотором контексте произнесения, если и только если его пропозициональное содержание P истинно в этом контексте произнесения. Причем эффективность речевых актов не сводима к истинности, поскольку важным условием эффективности выступает то, каким образом успешность речевого акта влияет на условия истинности его пропозиционального содержания. Эта зависимость у разных иллокуций может быть различной.

Вандервекен, развивая аналогичные идеи Серля, различает четыре возможных направления реализации соответствия (*direction of fit*) между словами и миром, которые фиксируются соответствующими иллокутивными силами и реализуются речевыми актами:

— *слова приспосабливаются к вещам.* В этом случае истинностная характеристика пропозиционального содержания не является следствием реализации речевого акта. Так, ассерторическое высказывание будет истинным или ложным не потому, что состоялся соответствующий речевой акт, а лишь в силу определенного объективного состояния дел в мире, которое фиксируется в этом речевом акте. Поэтому ассертивный речевой акт будет эффективным, если он совершен успешно, т. е. воспринят слушателем именно как ассертив, и когда его пропозициональное содержание будет воспринято слушателем как соответствующее положению дел в мире. Но таковой слушатель воспринимает пропозицию прежде всего потому, что она совместима с его представлениями об устройстве мира, т. е. она для него когерентно истинна;

— *вещи приспосабливаются к словам.* В этом случае мир преобразуется в соответствии с речевым актом вследствие действий, принятых по причине его осуществления. К указанной группе относятся комиссивы, например клятва, обещание, угроза, а также директивы, например приказы, приглашения, запросы. Комиссивы и директивы могут быть успешными и эффективными, если, например, обещание или приказ восприняты правильно и выполнены; или успешными, но неэффективными, если они не выполнены, т. е. положение дел в мире не приведено в соответствие с пропозициональным содержанием этих речевых актов;

— *двойное направление соответствия.* В этом случае мы имеем дело с речевыми актами, само осуществление которых есть совершенные действия, не сводимого к одному лишь произнесению. Сам речевой акт является действием, каковое его пропозициональным содержанием и фиксируется. Данная особенность речевых актов отражена Дж. Остином в понятии перформатива. Речевой акт «Нарекаю это судно именем “Королева Елизавета”», осуществленный предназначенным для этого лицом в рамках соответствующего ритуала, служит одновременно и актом наречения, т. е. элементом мира, и актом речи, в котором сообщается о наречении. Здесь обе стороны референции создаются непосредственно актом речи. Это характерно для декларативов, например объявлений, провозглашений, благословений и т. п. Декларатив в случае его успешности становится эффективным, поскольку сам факт его успешного формирования делает мир иным, соответствующим его пропозициональному содержанию. В этом смысле декларативы имеют самореференциальные условия своей эффективности. Как только при выполнении известных условий говорящий

произносит «Согласен!» в ответ на вопрос священника «Согласны ли вы взять в жены N?», мир становится иным в результате успешного выполнения этого перформатива, т. е. мир уже соответствует пропозициональному содержанию успешно выполненной иллокуции — господа N становится женой сказавшего;

— *наконец, возможны речевые акты, в которых соответствие как основание оценки отсутствует.* Таковы экспрессивы, например благодарности, извинения, поздравления, приветствия и т. п. В них выражается чувство говорящего относительно способа присутствия вещей в мире. Экспрессив будет успешным, если слушатель воспринимает его как определенный экспрессив, т. е. так же, как его воспринимает и сам говорящий. Но что значит эффективность экспрессива? Экспрессив будет эффективным, если вызовет сочувствие слушателя.

Эффективность аргументативного речевого акта связана с его перлокутивным действием, т. е. с изменениями, которые произошли в слушателе в результате успешной реализации речевого акта. Он будет эффективным, если самого факта его успешной реализации окажется достаточно, чтобы пропозициональное содержание речевого акта, в котором выражена точка зрения, стало для слушателя истинным. Если факт реализации декларатива производит изменения в мире, делая мир соответствующим пропозициональному содержанию этого декларатива, то факт реализации аргументативного речевого акта производит изменения не в мире, чтобы он соответствовал слову, а в слове, делая его для рационального слушателя соответствующим миру, т. е. превращая его в когерентно истинное высказывание, формируя его обоснованность в рамках того знания, которым обладает слушатель и которое слушатель считает соответствующим миру. Успешное выполнение аргументативного речевого акта перестраивает систему знания рационального слушателя, поскольку делает когерентно истинным для слушателя логически зависимые от его пропозиционального содержания утверждения. Таким образом, иллокутивно успешный аргументативный речевой акт становится перлокутивно эффективным.